

которые никого ещё не сделали счастливым. И очередной Человек становится Путешественником в Мире Реальности и Миражей Иллюзий. И Путешествие это совсем не бесполезно, и, хочет того человек или не хочет, взяв Карту в руки и пребывая в Иллюзиях и Фантазиях, вступив на Путь, не замечая Реальности и ударяясь о незамеченное, – Человек постоянно через свои и чужие фантазии идет к Реальности, какой бы она ни была...

Карта как символ Реальности не может передать всё многообразие Реальной Местности, и с Картой или без всё равно нужно выйти на Местность и познакомиться с Реальностью.

Библиографический список

Бартини Р.Л., Кузнецов П.Г. Множественность геометрий и множественность физик. Сборник «Моделирование динамических систем». Вып. 2. Труды семинара «Кибернетика электроэнергетических систем». Брянск, 1974. С. 45-50.

Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: «АСТ», 2014. – 443 с.

Странден Д. Герметизм. Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян).— СПб.: Издание А. И. Воронец, 1914.

Талев Н. Риска своей шкурой. - Азбука-Аттикус, 2018. – 370 с.

Чекалов Л.Л. Некоторые особенности функционирования сознания и различные способы построения семиотических систем. Сборник материалов Международной научной конференции «История. Семиотика. Наука», посвященной 200-летию Ф.М. Достоевского и 150-летию С.Н. Булгакова (Самара, 22-23 октября 2021 г.) / отв. ред. И.В. Демин. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2021. С. 270-276.

А.В. Яркеев

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский филиал Института философии
и права УрО РАН, г. Ижевск, Российская Федерация
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Persona mixta: от двух тел короля к двум телам биополитики

Аннотация: Власть имманентно стремится к собственной неограниченной экспансии не только в пространстве, но и во времени, однако физическая смерть естественным образом делает любую власть конечной и преходящей. Преодоление этого порога издревле было заботой властителей, формируя сакральную область одной из важнейших тайн власти. Династическая преемственность продуцирует фикцию вечного и гарантированного характера существования данной власти, меняющей лишь физические оболочки. Отсюда – средневековое представление о том, что правящий монарх обладает не только смертным физическим телом, но и бессмертным политическим телом, репрезентирующим непреходящую сущность суверенитета, смоделированного по образу и подобию божественного всемогущества. Мечта властителей о собственном реальном, а не символическом бессмертии начала осуществляться с развитием науки, позволившей увеличить качество и продолжительность биологической жизни, которая тем самым стала активно вовлекаться в сферу политического праксиса в качестве ее нового фундамента. С этого момента политика превратилась в биополитику. Биогенетические технологии выступают как самая современная фаза того процесса, в котором тотальная объективация и фабрикация всего сущего доходит до самой внутренней механики жизни (genetic

engineering). Новая, биополитическая фикция «*persona mixta*» реализуется в виде соотношения бессмертного генетического прототипа и его смертных воплощений (клонов). Но в таком случае возникает резонный вопрос о том, не исчезает ли здесь окончательно и бесповоротно субъективность самой власти, полностью редуцированной к объективным механизмам генетического реплицирования.

Ключевые слова: биополитика, биотехнологии, два тела короля, власть, бессмертие.

В 2021 году компания «Apple» запустила первый сезон научно-фантастического сериала «Основание» (Foundation), снятого по мотивам одноименного цикла произведений американского писателя-фантаста Айзека Азимова¹. Действия в картине разворачиваются в далеком будущем. Галактикой правит могущественный и деспотичный император Клеон. Династия Клеонов – продукт биотехнологий клонирования: Клеон I является генетическим прототипом для всех последующих Клеонов, которые, соответственно, представляют собой абсолютно точную копию самого первого императора. Умершее тело Клеона I находится в нетленном состоянии в стеклянном саркофаге, помещенном в святая святых императорского дворца на планете Трантор. Клеоны, подобно триединному Богу в христианстве, правят всегда сразу в трех ипостасях: «Брат Сумрак» (старый император), «Брат День» (зрелый император), «Брат Рассвет» (юный император)². Таким образом, все они являются просто копиями Клеона I на разных стадиях возрастных изменений физического тела. Когда приходит пора естественным образом умирать «Брату Сумраку», его место занимает «Брат День», на смену которому заступает «Брат Рассвет», уступающий свою роль юному клону. И так происходит на протяжении многих столетий. По сути, каждый клон в фильме – это запрограммированная биологическая машина, у которой отсутствует личность: старый император тщательно следит за тем, чтобы у молодого императора не было никаких отклонений в поведении, в проявлении эмоций, в образе мыслей, не говоря уж о каких-то телесных особенностях или недугах; если таковые вдруг обнаруживаются, его немедленно уничтожают и заменяют другим клоном, всегда имеющимся наготове.

В оптике средневековой политико-юридической фикции «*persona mixta*» (двух тел короля – смертного и бессмертного) идея сериала о правителях-клонах чрезвычайно эвристична в качестве мысленного эксперимента, демонстрирующего возможную траекторию развития материи политической власти с помощью передовых биотехнологий³, о чем, кстати говоря, уже предупреждал Т. Гоббс, когда в своем

¹ Книжная серия на русском языке известна под названием «Академия».

² Поэтому это тема также и для модной сегодня политической теологии. Согласно Э. Петерсону, христианская политическая теология невозможна по причине несоответствия земного правителя божественному триединству (из-за этого вопроса между ним и К. Шмиттом разгорелась серьезная академическая дискуссия). В перспективе упомянутого фильма данное несоответствие полностью упраздняется.

³ Примечательно и симптоматично в этой связи, что, выступая в декабре 2018 года на молодежном форуме «ПроеКТОрия», Президент РФ В. Путин, отвечая на вопрос о том, что он считает наиболее перспективным в развитии современной жизни и в будущем, назвал в качестве такового искусственный интеллект и генетику (Галанина А., Созаев-Гурьев Е. Урок от первого лица: президент сориентировал молодежь на будущее // Известия. 13 декабря 2018 г. Режим доступа: <https://iz.ru/823478/egor-sozaev-gurev-angelina-galanina/urok-ot-pervogo-litca-prezident-sorientiroval-molodezh-na-budushchee>). Очевидно, что нужно относиться к его ответу не просто как к высказыванию частного лица, а как к голосу (заявлению) современной власти, а именно биовласти. Искусственный интеллект и генетика – это то, о чем биовласть мечтает и то, собственно говоря, к чему она изо всех сил стремится. Искусственный интеллект воплощает собой абсолютную рациональность власти, а генетика – абсолютную объективность биологической жизни. Можно вполне вообразить себе антиутопическую картину (относительно недалекого) будущего, когда искусственный интеллект будет осуществлять генетическое редактирование и самостоятельно производить/выращивать различные организмы, что уже в различных сюжетных вариациях неоднократно обыгрывалось в «сайенс-фикшн»

«Левиафан» отмечал: ввиду того, что человеческий материал суверенной власти смертен, в целях сохранения вечного, а не временного мира среди людей требуется принять меры для создания *искусственной* вечности жизни политического тела⁴, иначе со смертью короля умирает и распадается государство (Гоббс 2020, с. 191). Неслучайно в конструкции власти Т. Гоббса время оказывается одним из самых значимых и проблематичных ее элементов. «Искусственная фигура, которую представляет государство-Левиафан, – поясняет Х. Бредекамп, – заручается этим искусственным бессмертием именно потому, что правитель в его физической личности смертен. Тем же способом, каким королевские изваяния были способны контролировать короткий период междуцарствия, образ Левиафана мог управлять временем, понимаемым как бесконечность в животном естественном состоянии» (Бредекамп 2017).

Власти имманентно стремление к собственной неограниченной экспансии не только в пространстве, но и во времени⁵. Физическая смерть естественным образом делает любую власть конечной и преходящей. Преодоление этого порога издревле было заботой властителей, формируя сакральную область одной из важнейших тайн власти (*arcantum*). Смерть – главный враг всех властителей: ее систематически отодвигают и держат на безопасном расстоянии. «Свойство политика *par excellence* – стремиться к бессмертию, даже вождель его. Для него оно столь же неотъемлемо и естественно, как для розы – цвести или для пчел – давать мед. <...> Потому на вопрос “кто есть политик?” среди бесконечного множества ответов возможен и этот: “Политик – человек, взыскующий бессмертия”, достигаемого во власти и через власть...» (Бусыгина 1999). Как очень точно подметил Э. Канетти, власть сущностно связана с *выживанием*, поскольку «выживший *один* попирает одного или многих мертвых. Он видит себя одним, чувствует себя одним и, если говорить о власти, которую он ощущает в это мгновение, то нужно всегда помнить, что она проистекает только и исключительно из его *единственности*. Во всех человеческих надеждах на бессмертие есть что-то от страсти выживания. Дело не в том, чтобы просто быть всегда, нужно быть, когда других уже нет» (Канетти 2015, с. 279).

Династическая преемственность продуцирует фикцию как бы вечного и гарантированного характера существования данной власти, меняющей лишь физические оболочки: «Король умер! Да здравствует король!». Отсюда – представление о том, что правящий монарх обладает не только смертным физическим телом, но и бессмертным политическим телом, которое, разумеется, носит исключительно символический характер, репрезентируя непреходящую сущность суверенитета (абсолютная и непрерывная власть, по Ж. Бодену), смоделированного по образу и подобию божественного всемогущества. «Король, подобно легендарной птице Феникс, умирая в одном природном теле, возрождается (словно из пепла) в другом (теле наследника), не умирая никогда, что позволяло утверждать, что время не властно над Королем. Королевская династия – цепь природных тел и одно политическое тело – корпорация, состоящая из одного человека в отдельно взятом промежутке времени» (Попов 2021, с. 56). Эффигии, особые погребальные куклы или манекены, использовавшиеся при королевских похоронах, были призваны визуализировать невидимое бессмертное тело короля (Канторович 2015, с. 544-563).

Казнь французскими революционерами в конце 18-го века королевской четы (Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты) окончательно и бесповоротно

кинематографе и литературе. Но искусственный интеллект и генетика – это абсолютные пределы, дальше которых уже двигаться невозможно: цифровой код и генетический код.

⁴ У самого Т. Гоббса таким инструментом является институт права наследования.

⁵ В концепции Т. Гоббса это стремление власти в гражданском состоянии мотивируется исключительно рациональным соображением предотвращения гражданской войны, а не личными амбициями правителя, поэтому у него государство предстает искусственным живым телом, обладающим разумом. Государство – это мегачеловек, жаждущий бессмертия.

«похоронила» бессмертное тело короля⁶. Параллельно с этим становление и развитие науки, успехи медицины, анатомии, биологии открыли перспективу физического продления жизни и даже обретения физического бессмертия. Тревожным символом возрастающего могущества и возможностей науки в то время стала готическая история, созданная Мэри Шелли, об ученом докторе Франкенштейне (у которого было четыре реальных прототипа) и сотворенном им монстре, сшитом из частей трупов (Шелли 2000). Уже в середине 18-го века французский философ Ж. Ламетри публикует наделавший много шума трактат «Человек-машина», предвосхитивший современные идеи создания человекоподобных кибернетических устройств (андроиды, киборги, репликаны и т.п.) и попытки моделирования мыслительных процессов (искусственный интеллект). Ключевая мысль трактата выражена в тезисе: «Человеческое тело – это заводящая сама себя машина, живое олицетворение непрерывного движения» (Ламетри 1983, с. 183). Согласно Ж. Ламетри, бессмертная машина не является химерой или измышлением разума (Ламетри 1983, с. 225).

Мечта власти о собственном реальном, а не символическом бессмертии начала осуществляться с развитием науки, позволившей увеличить качество и продолжительность биологической жизни, которая тем самым начала активно вовлекаться в сферу политического праксиса в качестве ее нового фундамента. С этого момента политика превратилась в биополитику. Биополитический поворот, который совершила суверенная власть в 17-18 вв., привел к тому, что место короля оказалось занято биологией. Теперь биология играет роль суверена, роль короля, прячась за традиционной идеологической маской суверенитета. «Это также объясняет, – пишет К. Малабу, – почему биология всегда предстает перед философами как инструмент власти, а не как поле или инструмент освобождения. Не может быть никакого биологического сопротивления биовласти» (Malabou 2014, p. 101). Рассмотрим этот тезис на примере такого кейса, как «тело Ленина».

Вечером 21 января 1924 года вождь пролетарской революции скончался в результате продолжительной болезни после пулевого ранения. «Когда, наконец, произошла ожидаемая смерть, она все равно застала врасплох верхушку советской элиты. Но не в организационном смысле – тут все обстояло более-менее прилично: железная ленинская когорта еще плотнее сомкнула свои ряды. Сложнее было с биологией. Неотвратимая гибель вождя показала кремлевской знати: помимо безграничной власти над людьми, которую они завоевали, <...> есть еще власть над временем, которая им недоступна. И не террористы, а рак, преждевременное старение, досрочно наступивший паралич или старческий маразм могут превратить их в ничтожество, а их власть – в эфемерный мираж» (Шишкин 2012, с. 23-24). После этого перед кремлевской элитой встала задача каким-то образом сохранить иллюзию бессмертия вождя, в связи с чем было предложено подвергнуть тело Ленина бальзамированию. Эта иллюзия преследовала две цели – увековечить монументальность пролетариата и сохранить собственные иллюзии (ситуация с вождем заставляла думать и о собственной участи). «Рожденный в январские дни 1924 года культ мумии был основан на мании вечности. Ей страдали обитатели Кремля. Им хотелось жить как можно дольше, а может быть, и вообще не умирать. Научно-технический прогресс и его победы над всеми недугами, прежде всего над смертью, превратились в навязчивые фетиши руководства СССР» (Шишкин 2012, с. 35). В целях борьбы со старостью и продления жизни в 1925 году советский Институт органолепидов был реорганизован в Институт экспериментальной эндокринологии, в котором начались первые эксперименты по омолаживанию. Так, например, пациентам с

⁶ Елизавета Тюдор долго колебалась, прежде чем дала согласие на казнь королевы Марии Стюарт, поскольку среди прочего прекрасно отдавала себе отчет, что этот прецедент способен превратиться в тлеющую пороховую бочку под фундаментом института европейской монархии. См.: Цвейг С. Мария Стюарт. Подлинная история шотландской королевы. М.: Алгоритм, 2019.

преждевременной старостью и мужским климактерием пересаживались половые железы трупов молодых людей, погибших при несчастных случаях (Шишкин 2012, с. 74).

Тело Ленина в мавзолее представляет собой пограничный, или промежуточный, феномен. С одной стороны, оно принадлежит к средневеково-христианскому диспозитиву «двух тел короля», будучи превращенным в собственную эффигию, мумифицированный манекен, обозначающий бессмертное политическое тело, когда физическое тело уже перестало существовать и было тем или иным способом погребено. С другой стороны, при его сохранении в забальзамированном состоянии используются современные научные технологии, так что тело вождя, по словам специалистов, «находится в отличной форме и не нуждается в подменах. <...> Даже сегодня суставы в ленинском теле сгибаются, торс и шея поворачиваются. Оно не затвердело, не превратилось в высохшую мумию, поэтому называть его мумией, как это постоянно делается в СМИ, неправильно» (Карпов, 2020). И это уже бессмертное *биополитическое* тело. «Оно существует как бы в двух режимах видения. Политическое руководство и приближенные специалисты всегда видели одно тело, а обычные граждане – другое» (Там же).

Уже неоднократно отмечалось многими философами, что современная наука не только не является отрицанием религиозного отношения к бытию, но и в каком-то смысле даже представляет собой его усиление. Как справедливо отмечает С. Жижек, именно волюнтаристская концепция христианства, согласно которой творческая потенция Бога не скована какими-либо вечными рациональными истинами, проложила путь современной науке (Жижек 2020, с. 161). Стандартное иллюзорное мировосприятие науки заключается в том, что научный дискурс представляет собой некое объективное (нейтральное) отражение голый фактичности мира, в то время как в действительности парадокс состоит в совпадении голый фактичности и радикального волюнтаризма: фактичность может восприниматься как таковая только при том условии, что она тайно поддерживается произвольной божественной волей (которая, в частности, направляет процесс эволюции). Так, по мнению Р. Декарта, чья философия лежит в основе научной парадигмы, даже самые элементарные математические истины зависят от воли Бога (что в самом математическом знании находит свое отражение в их аксиоматическом характере). Применительно к научному взгляду на мир это означает, что понятие «объективной реальности» существенным образом определяется субъективной (произвольной) точкой зрения. Соответственно, научный дискурс тем самым оказывается чем-то вроде негативной теологии, в которой Бог присутствует в «снятом» (по Гегелю) виде, как не-Бог (не-Бог – это не отрицание Бога, а утверждение Бога в отрицательной форме). Божественное могущество творения присваивается абсолютным субъектом науки, поднявшим, по словам М. Хайдеггера, «собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета» и включившим «в действие неограниченную мощь всеобщего расчета, планирования и организации» (Хайдеггер 1993, с. 51-52). Наука – это, по своему существу, современная западная религия.

Биогенетические технологии выступают как самая современная фаза того процесса, в котором субъект науки ставит себя на место Бога, а все сущее превращает в то, что М. Хайдеггер назвал «постав» (Gestell). С наступлением этой фазы тотальная объективация и фабрикация всего сущего доходит до самой внутренней механики жизни (genetic engineering). Как полагает Ю. Хабермас, вызов человеческой сущности обусловлен притязаниями научного мышления на полное управление человеческой природой, которая оказывается условной и подвижной, пластичной. Возможность комбинировать гены не только в пределах человеческого набора хромосом, но и смешивать их с генами других видов, заново ставит вопрос о том, что же такое человек, о границах существования человеческого вообще. Прогресс биотехнологий задает новый радикальный способ вмешательства в человеческую жизнь (Попов 2021, с. 196). Вторжение в геном позволяет манипулировать архитектурой человеческой природы, отождествляя между собой управление вещами и управление человеческой природой

(Хабермас 2002). Таким образом, происходит кардинальное антропологическое переструктурирование, связанное с выходом человеческого за те границы, в которых оно существовало доньше. Именно в этом смысле говорят о начавшейся постчеловеческой эпохе (Фукуяма 2004). «В отличие от спиритуалистической позиции ограничения радикальная научная позиция, сводящая человека к биологическому механизму, поддерживает обещание полного технологического контроля над человеческой жизнью, ее искусственное пересоздание, ее биогенетическую и биохимическую регуляцию и, в конце концов, бессмертие под видом сведения нашего внутреннего “Я” к программе, которую можно копировать с одного устройства на другое» (Жижек 2020, с. 435). Успешное клонирование в 1997 году овечки Долли стало той «благой вестью», которая вновь активировала религиозную программу, поскольку выводы сразу же были перенесены на человека: клонированный человек стал бы первым человеком после Христа, к которому была бы снова применима формула *genitus non factus* (Слотердаик, Хайнрихс 2015, с. 160). «Апологеты клонирования, отталкиваясь от идеала усовершенствованного человека, на самом деле всегда грезят о тиражируемости этого идеала: идеальные клонированные работники, идеальные клонированные доноры, клонированные лидеры или солдаты утопичны до определенных пор и т.д., отсылают прежде всего к формату идеи, которая в определенных исторических рамках начинает подпитываться энергией технологического воспроизводства и со временем может обрести воплощение, стать необходимым проектом» (Попова 2017, с. 251).

В рассматриваемом нами сериале «Основание» новая, биополитическая фикция «*persona mixta*» реализуется в виде соотношения бессмертного генетического прототипа и его бесконечных смертных воплощений (клонов). Но в таком случае возникает резонный вопрос: не исчезает ли здесь окончательно и бесповоротно субъективность самой власти, полностью редуцированной к объективным механизмам генетического реплицирования? Если да, то что это может означать для сущности политической власти и общества, в котором эта власть себя манифестирует?

Библиографический список

Бредекамп Х. Визуальные стратегии Томаса Гоббса // Новое литературное обозрение. 2017. №4. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/146_nlo_4_2017/article/12599/ (дата обращения: 07.08.2022)

Бусыгина И.М. «Взыскующий бессмертия». Политик в зеркале великого романа // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078260_20148293.pdf (дата обращения: 11.08.2022)

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 704 с.

Жижек С. Монструозность Христа. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Карпов М. И тело его живет. Какие тайны скрывает мавзолей Ленина. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2020/04/22/lenin150/> (дата обращения: 03.08.2022)

Канетти Э. Масса и власть. АСТ, 2015. 576 с.

Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.

Ламетри Ж. Человек-машина // Ламетри Ж. Сочинения. М.: Мысль, 1983. С. 169-226

Попов Д. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. Омск: Омская академия МВД России, 2021. 144 с.

Попов Д.В. Биополитика в роли «пятого персонажа» в процессе редактирования человечества // Человек. 2021. №6. С. 187-203.

- Попова О.В. Человек как артефакт биотехнологий. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 336 с.
- Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: диалогические исследования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
- Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
- Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. СПб.: Азбука, 2000. 314 с.
- Шишкин О. Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 317 с.
- Malabou C. The King's Two (Biopolitical) Bodies // Representations. 2014. Vol. 127. Iss. 1. P. 98-106